

УДК 821.111:82-94

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ КАК ПРИЁМ В БИОГРАФИЯХ ДЖОРДЖИАНЫ, ГЕРЦОГИНИ ДЕВОНШИРСКОЙ

К.Ф. Аюпова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья обращена к актуальным вопросам теории биографии, а именно к проблемам соотношения документального и художественного и разграничения биографических жанров. Сопоставительному анализу подвергаются две противоположные беллетризованные биографии Джорджианы, герцогини Девонширской (Georgiana, Duchess of Devonshire, 1757–1806). Первая – «Ясный лик» (*The Face Without a Frown*, 1944) – написана её прямым потомком Айрис Левесон-Гоуэр и представляет собой идеализированное жизнеописание. Вторая – «Две герцогини» (*The Two Duchesses*, 1978), принадлежащая перу Артура Калдер-Маршалла, предлагает «разоблачительный» взгляд на жизнь Джорджианы. В обоих текстах присутствует элемент беллетризации, при этом ни один не является биографическим романом. Автором исследуется степень беллетризации в каждой из указанных биографий, а также задачи, приёмы и результат. Сочетание научно-документального материала с элементами художественного повествования у Левесон-Гоуэр – это попытка «оживить» эпоху и события, что в конечном счёте наносит урон произведению. Для Калдер-Маршалла художественный элемент – способ представить свою версию былого.

Ключевые слова: биография, беллетризация, Джорджиана, герцогиня Девонширская, Айрис Левесон-Гоуэр, Артур Калдер-Маршалл

Биография на сегодняшний день – один из самых популярных литературных жанров среди читающей публики. В Британии эту форму считают особым, чисто английским пристрастием. Начало традиции было положено Сэмюэлом Джонсоном (Samuel Johnson, 1709–1784), который выделил биографию в самостоятельный жанр литературы и определил формулу создания хорошей биографии, что актуально по сей день (см. [1]). Главный принцип – правдивое описание всех сторон жизни и личности объекта биографии. В викторианскую эпоху он уступает место благопристойности, восхвалению общественных достижений и тактичному игнорированию подробностей частной жизни. «Освободили» биографию в первой половине XX в. экспериментальные изыскания писателей-модернистов, открывших новые формы и повествовательные приёмы. Манифестом для биографов XX в. стало предисловие к книге Литтона Стрейчи «Именитые викторианцы» (*Eminent Victorians*, 1918):

Human beings are too important to be treated as mere symptoms of the past.

Человеческие натуры слишком важны, чтобы относиться к ним как всего на

They have a value which is independent of any temporal process – which is eternal, and must be felt for its own sake (цит. по [2, p. 17]).

всего векам прошлого. Они обладают ценностью, что не зависит от временных процессов, она вечна и должна ощущаться сама по себе¹.

Рубеж XX – XXI столетий называют золотым веком биографии (см., например, [3, p. 1]). Самая частая причина и цель написания, как и чтения, биографий сегодня – осмыслить своё настоящее через историческое прошлое. Жизнеописания людей, оставивших свой след в мире, привлекают современного читателя возможностью примерить на себя иной жизненный опыт, найти ответы на вечные вопросы.

Как бы то ни было, в системе литературных жанров биография – довольно молодое явление. Постоянно подвергаясь нападкам критиков, она к тому же становится объектом самокритики. Круг проблем, связанных с ней, на самом деле замкнутый и упирается в вопрос: возможна ли биография как таковая? Он активно обсуждается начиная с 20-х годов XX в., и современное положение, по словам И.Л. Беленького, можно охарактеризовать как «безумие недоволенности», «постоянное и напряжённое стремление к адекватности биографического познания и одновременно почти трагическое осознание нереализуемости этого стремления» [4, с. 48]. Популярная сегодня в литературоведении идея, что любая биография – это фикция, исходит из постмодернистского определения истории как вымысла (см. [5, 6]). Таким образом, предполагается, что множественность интерпретаций исключает возможность написания объективной биографии. Споры о соотношении факта и вымысла, документального и художественного подразумевают несколько аспектов, которые мы рассмотрим.

Объект настоящего исследования – биографии известной в Британии фигуры эпохи Просвещения Джорджианы Кавендиш, герцогини Девонширской (Georgiana Cavendish, Duchess of Devonshire, 1757–1806) (далее – Джорджиана Девонширская). Лидер светского общества и активный деятель партии вигов, Джорджиана собрала вокруг себя большой литературный и политический бомонд. Первые биографии – «Ясный лик» (*The Face Without a Frown*, 1944) Айрис Левесон-Гоуэр (TFWAF) и «Две герцогини» (*The Two Duchesses*, 1978) Артура Калдер-Маршалла (TD) – написаны в разное время, но обе – с определённой степенью беллетризации. Однако ни одну из них нельзя назвать биографическим романом. Нашей задачей будет определить, какую роль играет приём беллетризации в каждой из биографий и каким образом он влияет на восприятие объекта биографического описания читателем.

Беллетризация и её допустимые границы – сложная и неоднозначная проблема, пока не нашедшая окончательного разрешения в биографической теории. Ещё с 20-х годов XX в. многократно поднимается вопрос: труд биографа является наукой или искусством? В отечественной критике его порой пренебрежительно называют «тряпичничеством» [7, с. 87]. Сходным образом от биографа отмахиваются как от «литературного подёнщика» (“journeyman of letters”) в западном литературоведении [8, p. 3]. Г.О. Винокур в 1926 г. пишет о несправедливости подобных обвинений по отношению к биографии как науке, признавая, однако,

¹ Перевод с английского здесь и далее наш. – К.А.

что они применимы ко многим отдельным биографам. «Всякую науку можно превратить в тряпичничество», – замечает он [7, с. 87], а условием для создания подлинной биографии должно быть «философское отношение к своему предмету» [7, с. 88]. Л. Эдель в своём манифесте приводит слова Л. Стрейчи, сетовавшего на то, что «самое изящное из всех видов писательского искусства низведено до литературной подёнщины» (“the most delicate and humane of all the branches of the art of writing has been relegated to the journeymen of letters”), при этом добавляет: не биография, а «жизнеописание-компендиум – удел литературного подёнщика» (“a compendium-life is the work of a journeyman of letters”) [8, p. 3].

На сегодняшний день многие исследователи сходятся в том, что биография представляет собой единство науки и искусства (см. [2, 6, 8]). Без художественного осмысления жизни биография в полном смысле слова невозможна. Кроме того, конечное произведение должно обладать повествовательной связностью и читаться как роман. Здесь возникает проблема размежевания жанров. Где проходит грань между документальной биографией и художественной и начинается роман? Существует несколько критериев и вариантов классификации, ни один из которых, на наш взгляд, нельзя считать универсальным. Попытка разобраться во множестве форм и разновидностей биографии была предпринята И. Шаберт. Как отличить интуицию биографа от правдивого воображения романиста и ложной образности беллетризованных биографий? – вопрошает исследователь [9, p. 2]. Ответ, по мнению Шаберт, кроется в следующем. И романист, и биограф в процессе создания произведения интерпретируют историческую реальность. «Два способа интерпретации, однако, решительно отличаются друг от друга. Особое притязание художественного изображения, часто обозначаемого как “роман” или “художественная реконструкция”, – противопоставить поэтическую правду и научное объяснение, выразить сущностную, а не фактическую реальность» (“The two modes of interpretation, however, are categorically different. The special claim of the fictional representation, often indicated by labels such as novel or imaginative reconstruction on the title page or in an introduction, is that the truth of poetry as opposed to the truth of an expository statement, that the essential rather than the factual reality is being expressed”) [9, p. 4]. Автор романа может добавить в произведение вымышленные эпизоды, которые помогают полнее раскрыть образ главного персонажа. В этом случае «не отдельные подробности, а лишь роман в целом как художественное видение исторической фигуры нужно рассматривать и судить на фоне биографического знания» (“Not the detail, only the whole novel as an imaginative vision of the historical figure, is to be seen and judged against the background of biographical knowledge”) [9, p. 5]. Художественная биография, с точки зрения И. Шаберт, «сверхсложная версия жизненного случая, без сомнения вымышленного, но который высвечивает правду о реальном человеке резче, чем документальный рассказ» (“the highly sophisticated version of the anecdote which is known to be fictitious but which brings out a truth about a real person in a more poignant way than would a factual account”) [9, p. 6]. В документальной биографии вымысел недопустим, автор имеет право работать только с имеющимися фактами, не создавая новых в попытке восполнить лакуны. По этой причине биограф всегда считался связанным по рукам и ногам, и именно поэтому от него требуется большее мастерство, чем от романиста, свободного в своём творческом воображении.

Особую проблему для биографов представляют противоречивые сведения. Как правило, автор, руководствуясь принципом избирательности, частично отсеивает «случайную», не соотносящуюся информацию. Однако высшее мастерство биографа лежит в умении видеть связь и логику между противоречивыми на первый взгляд сведениями. Об этом говорит М. Юрсенар (Marguerite Yourcenar, 1903–1987), по мнению которой в такой противоречивости таится суть многообразной и сложной человеческой природы (цит. по [9, р. 4]). Ю. Лотман подмечает: «Чаще одна и та же физическая жизнь включает в себя две, три, несколько биографий разной ценности, достоинства и творческой одухотворённости» [10]. А правдоподобие биографии заключается в раскрытии «взаимной необходимости разных жизней» [10].

Таким образом, ошибочно полагать, что правду составляют одни лишь факты. Интерпретация – необходимый элемент биографии и художественной, и документальной. Иначе невозможно постижение фактической истины. Без сомнения, личность автора играет здесь определяющую роль. С его стороны возможна неосознанная фикциализация. З. Фрейд в своей работе о Леонардо да Винчи предупреждает, что зачастую биографы выбирают в качестве объекта изучения своих кумиров. Из «особого чувства привязанности они посвящают себя делу идеализации, отмечая всё, что может показаться недостойным» (“Frequently they take the hero as the object of study because, for reasons of their personal emotional life, they bear him a special affection from the very outset. They then devote themselves to a work of idealization... For the sake of this wish they... do not tolerate in him anything of human weakness or imperfection”) [11]. «Мы должны признавать тысячи неприглядностей, игнорировать которые цель каждого уважающего себя биографа» (“we have to admit a thousand disagreeables which it is the aim of every good biographer to ignore”), – иронизирует Вирджиния Вулф в романе «Орландо» [12, р. 15].

Различие мировоззрений эпох и неосознанное влияние современных моральных установок на биографию исторического персонажа рождает другое затруднение. «Эмоциональная правда любого исторического труда исходит из современности» (“the emotional truth in any history derives from the present day”), – пишет А. Кесслер-Харрис [13, р. 630]. Считая, что найти правду прошлого не представляется возможным, она тем не менее отвергает идею, будто всякая биография есть одна из форм художественного вымысла, и приводит рассуждения Вирджинии Вулф: «Мнения меняют биографические факты, равно как сами трансформируются, подобно времени. <...> Так что биографу приходится <...> прощупывать почву, выявлять ложь, нереальность и присутствие устаревших условностей. Его чувство истины должно быть живо и начеку» (“[The biographer’s facts] are subject to changes of opinion; opinions change as the times change. <...> Thus the biographer must go ahead of the rest of us, like the miner’s canary, testing the atmosphere, detecting falsity, unreality, and the presence of obsolete conventions. His sense of truth must be alive and on tiptoe”) [13, р. 626].

Каждым из биографов Джорджианы Девонширской несомненно руководило собственное понимание истины. Анализируемые биографии представляют собой противоположные интерпретации жизни герцогини.

Первая биография Джорджианы Девонширской была опубликована в мае 1944 г. Писалась она в Лондоне в тяжёлое для страны время. Чистовой вариант был передан в редакцию во время воздушной атаки в октябре 1943 г. Автор – Айрис Левесон-Гоуэр (Iris Irma Leveson Gower, 1899–1944) – является прямым потомком герцогини (TFWF, p. 2). Детские впечатления, а также желание узнать больше о своей прославленной прапрапрабабушке, вероятно, подтолкнули автора к написанию биографии. В результате исследования, как пишет Левесон-Гоуэр в предисловии книги, она обнаружила, что популярный образ герцогини Девонширской имеет мало общего с женщиной, которая носила этот титул. Таким образом, целью биографии стало «развеять недоразумение» (“to clear up a misunderstanding”) (TFWAF, p. 7). Неслучайно предисловие названо «Апология» (“Apologia”)². Автор уверяет: «Всё, что я написала о ней, является фактом, кроме тех случаев, когда мне пришлось прибегнуть к догадкам, что я и обозначила» (“Everything I have written about her is fact, save where, in one or two instances, when I have been driven to conjecture, I have indicated otherwise”) (TFWAF, p. 7–8). Левесон-Гоуэр действительно опирается на документы, щедро вплетая в своё повествование цитаты из писем и прочих источников. Её предположения относительно фактов, которые уже невозможно подтвердить, в некоторых случаях согласовываются с логикой вещей и здравым смыслом, однако чаще всего её размышления уходят в область сентиментального восхваления, продиктованного больше сочувствием, нежели глубоким пониманием.

Биография начинается с главы, полной художественного вымысла. Автор повествует о событиях 1774 г., когда семнадцатилетняя леди Джорджиана становится женой герцога Девонширского и получает титул, который определит всю её последующую жизнь. В дальнейшем вполне научно-объективное по стилю повествование перемежается вымышленными эпизодами о буднях, диалогами и внутренними монологами. Однако произведение Левесон-Гоуэр, скорее, романизированная биография, нежели биографический роман, поскольку здесь присутствуют художественные элементы, но сама форма не соответствует жанру романа. Многие вымышленные эпизоды напоминают «слезливую» литературу, с одной стороны, и «дамское чтение» – с другой, грань между которыми очень тонкая. Например:

She wondered for the thousandth time whether he knew at last, how much she loved him or how much her surrender had cost her. Did he long for and dread the coming of their child, as she was longing, yet dreading? Would the child of love be different from those other free children, whom she loved for themselves, not for their begetting? What would be its future? She pressed her hand over her eyes, as though she could not bear the vision of that future (TFWAF, p. 168).

В тысячный раз она спрашивала себя, знал ли он в конечном итоге, как сильно она его любила и чего ей стоило это признание. Желал ли он и страшился ли рождения их ребёнка так же, как и она желала и боялась одновременно? Будет ли дитя любви отличаться от троих других её детей, которых она любит за то, что они есть, а не за то, что стояло за их рождением? Каково его будущее? Она закрыла глаза рукой, словно не могла выдержать видения предстоящих событий.

² От др.-греч. ἀπολογία – оправдание. Предполагается, что объект нуждается в защите. Соответственно, сочинение направлено на его реабилитацию.

Важно отметить, что некоторые художественные элементы у Левесон-Гоуэр довольно мягко вплетаются в повествование. Это 1) красочные описания вещественного мира Джорджианы: нарядов далёкой эпохи, деталей одежды, тканей, фурнитуры и прочего; а кроме того, 2) попытки вообразить вид улиц и зданий в сравнении с современным автору Лондоном. Однако большинство «романных» фрагментов настолько негармоничны, что вырежи их рука цензора, текст несколько бы не пострадал.

Примечателен эпиграф – строфа стихотворного посвящения миссис Крю из «Школы злословия» Ричарда Бринсли Шеридана:

Сюда, о мастерицы сплесть навет,
Создать улики, если слухов нет!
О вы, чья память, сторожа порок,
Всё, кроме факта, знает назубок!³

Данный отрывок служит автору манифестом, в котором провозглашается намерение восстановить историческую правду о лице, образ которого с течением времени всё более гиперболизировался и обрастал легендами. «Эта книга, – пишет Левесон-Гоуэр, – не претендует на какую-либо историческую значимость, разве что как урок детям о том, как легко сделать из мухи слона» (“This is a book which does not pretend to any historical importance, unless as a kindergarten lesson in how easy it is for mountains to be made out of molehills”) (TFWAF, p. 7). К сожалению, стремясь избавить объект биографического повествования от преувеличений, Левесон-Гоуэр невольно впадает в идеализацию, продиктованную глубоко личным отношением к Джорджиане Девонширской. Об этом свидетельствует и посвящение:

To my divergent ancestors, Edward, Lord Thurlow, and Georgiana, Duchess, “the Raven” and “the Bird of Paradise”, in gratitude for all they have taught me (TFWAF, p. 2).

Моим так непохожим друг на друга предкам, Эдварду, лорду Терлоу, и герцогине Джорджиане – «ворону» и «райской птице» – в благодарность за всё, чему они меня научили.

Очевидно, что герцогиня для Левесон-Гоуэр была светлым идеалом, кумиром, и это не могло не отразиться на результате её работы.

Вторая биография Джорджианы Девонширской увидела свет спустя 34 года. Книга, написанная Артуром Калдер-Маршаллом (Arthur Calder-Marshall, 1908–1992), как уже было обозначено нами выше, являет своеобразный контраст произведению Левесон-Гоуэр. Отношение автора к объекту биографического исследования нельзя назвать пристрастным, но и бесстрастность в строгом смысле слова его не характеризует. Весьма сильно авторское начало. В тоне повествования отчётливо различима небрежность по отношению к историческим лицам и их делам, а в некоторых случаях ощущается лёгкий цинизм.

Базируясь на документальных источниках, Калдер-Маршалл, однако, ввёл в биографию некоторую долю беллетризации, в целом она умеренная. Так, в тексте часто встречаются ироничные оценочные суждения, в повествование мягко вплетаются возможные мысли героев посредством косвенной речи. Строя предположения относительно причин, по которым герцог остановил

³ Перевод М. Лозинского (http://lib.ru/INOOLD/SHERIDAN/sheridan1_5.txt).

свой выбор на леди Джорджиане, Калдер-Маршалл воображает диалог между юным наследником и его умирающим отцом:

“You couldn’t do better than marry Lady Georgiana Spencer, my boy” And when he protested that Lady Georgiana was a child, half his own age, his father may have said, “Nonsense. Wait till she’s sixteen. That’s the age when I married your mother” (TD, p. 14).

«Сын мой, никого лучше, чем леди Джорджиана Спенсер, ты в жёны не найдёшь». И когда он [будущий герцог] возразил, что леди Джорджиана ещё ребёнок, вдвое моложе его, отец, возможно, ответил бы: «Чепуха. Подожди, пока ей исполнится шестнадцать. Именно в этом возрасте я взял твою мать в жёны».

Беспокойные мысли леди Элизабет, со страхом смотрящей в грядущее, где не будет Джорджианы, автор передаёт так:

But what of the future? What would happen, if her dearest friend, who frankly ate and drank too much for the good of her health, should be called to her Maker before poor little Bess? (TD, p. 130)

Но как же быть с будущим? Что случится, если её дражайшую подругу, которая, честно говоря, неумеренно ела и пила в ущерб здоровью, призовет Создатель прежде бедненькой маленькой Бэсс?

В одном из ложно-драматических эпизодов автор называет принца Уэльского «Его Истерическим Величеством» (“His Hysterick Highness”) (TD, p. 65), в другом будто вскользь ехидно замечает, что «леди Каролина Лэм... ещё не успела броситься на шею лорда Байрона» (“Lady Caroline Lamb... had not yet thrown herself at Lord Byron”) (TD, c. 170).

В предисловии Калдер-Маршалл оговаривает, что не может «позволить себе утверждать, что написанное им можно доказать» (“I cannot pretend that what I have written can be proven”) (TD, p. 9). Сожалея об уничтоженных письмах и затёртых строчках, автор признаётся, что многое приходится домысливать. При написании биографии он не стремился отыскать неизведанные подлинники. Осмыслить уже опубликованный материал представляется Калдер-Маршаллу более важным: «на сегодняшний день проблема заключается в том, что избранные документы публиковались без всякой связи и соотнесённости» (“the trouble up to date has been that selections of original documents have been published without any satisfactory attempt to correlate them”) (TD, p. 181). «Моей задачей было, – пишет он, – опираясь на эту массу опубликованного материала, понять взаимоотношения между герцогом и его двумя герцогинями, как они представлялись им самим и со стороны» (“My task has been to draw upon this mass of published material in order to understand the relationships of the Duke and his two Duchesses, as seen by themselves and others”) (TD, p. 183).

Таким образом, на создание биографии автора подвигло стремление объяснить скелет в шкафу дома Девонширов. В предисловии Калдер-Маршалл перечисляет список щекотливых вопросов относительно запутанных семейных уз, несколько веков волновавших потомков, на которые он попытается найти ответ. «На протяжении почти двухсот лет люди строили догадки о пятом герцоге Девонширском и его двух герцогинях, – начинает Калдер-Маршалл. – Каким образом леди Элизабет Фостер удавалось одновременно быть “дражайшей подругой”

Джорджианы и любовницей её мужа?» (“For nearly two hundred years people have wondered about the fifth Duke of Devonshire and his two Duchesses. How was it possible for Lady Elizabeth Foster to be at the same time the “dearest friend” of Georgiana, and the mistress of her husband?”) (TD, p. 9).

Книга «Две герцогини» разбита на главы, перемежающиеся своеобразными межглавиями – интерлюдиями (“interludes”). Обозначив в прелюдии (вступлении) список проблем, предположительно интересующих читателя, Калдер-Маршалл использует интерлюдии как своего рода авторские отступления, в которых размышляет над каждым из поставленных вопросов, выдвигая аргументированные (но зачастую маловероятные) догадки. В одной из интерлюдий он справедливо замечает, что некоторые моменты всегда будут «уделом предположений, созданных согласно не их, а нашему образу мышления» (“a matter of speculation, conducted not in their idiom but in ours”) (TD, p. 69). Однако точка зрения, с которой Калдер-Маршалл решает смотреть на события далёкого прошлого, по нашему мнению, исходит в большей степени не из современности, а из собственного мировоззрения. Восемнадцатый век интересует Калдер-Маршалла как век скандалов, а семейная ситуация пятого герцога Девонширского была одним из самых продолжительных и заметных скандалов того периода. Если «Ясный лик» А. Левесон-Гоуэр предполагает идеальный образ, то заглавие «Две герцогини» настраивает на любопытную интригу. Как известно, после смерти Джорджианы леди Элизабет стала женой герцога и, соответственно, герцогиней Девонширской. Однако друзья и родственники Джорджианы, как и клан Кавендишей, не признавали за ней этот статус, считая, что она узурпировала титул. Скандальное «трио» – герцог и его две «жены», две герцогини – вот главный интерес и цель биографии Калдер-Маршалла.

В процессе повествования Калдер-Маршалл отстраняется от описываемых событий, авторский тон временами становится едко-насмешливым, а разворачивающаяся на страницах драма приобретает комичные черты. Глубоко сопереживающее отношение Левесон-Гоуэр, напротив, уводит в область нереалистичного вымысла.

Интересно отметить использование биографами одного документально-художественного источника – романа «Сильф» [14], анонимно опубликованного Джорджианой в 1778 г. Принято считать, что это роман с ключом, поскольку в нём с удивительной точностью описано общество, в котором вращалась Джорджиана, а также прослеживаются некоторые параллели между ней и главной героиней. Включая в повествование цитаты из романа, Левесон-Гоуэр в «Сильфе» ищет автобиографические параллели, а Калдер-Маршалл предполагает скрытые «фрейдистские» мотивы. Пытаясь объяснить присутствие в жизни герцога любовницы, он обращает внимание на отрывок из романа, который, по его мнению, демонстрирует понимание герцогиней Девонширской того, что «муж мог пойти на совокупление с женой из вожделения к любовнице» (“the possibility of a husband taking his wife out of lust for his mistress”) (TD, p. 35). Этот эпизод кажется ему основанным на личном опыте.

Можно заключить, что ни Калдер-Маршалл, ни Левесон-Гоуэр не придумывают фактов, однако домысливают переживания и внутреннюю позицию персонажей биографии. Наиболее ярко это проявляется в произведении Левесон-

Гоуэр: множество романских эпизодов, рассыпанных в тексте, призваны живо представить исторические лица и эпоху. Тем не менее реальный эффект такого восполнения не вызывает одобрения: как бы ни была благородна цель, автор преступает черту дозволенного, художественные вставки нарушают структуру произведения.

Биография Артура Калдер-Маршалла – это попытка разобраться в запутанных отношениях и семейных узах, автором движет стремление утолить обывательское любопытство. Беллетризация используется для построения предположений, в попытке «угадать» логику и причины поступков. Биография Айрис Левесон-Гоуэр была продиктована иным стремлением, её цель – реабилитировать личность Джорджианы. В то время как Калдер-Маршалл при помощи художественных элементов пытается заполнить пробелы, у Левесон-Гоуэр они играют роль украшения и навеяны романтическим воображением.

Источники

- TD – *Calder-Marshall A. The Two Duchesses.* – Newton Abbot: Readers Union Group of Book Clubs, 1978. – 208 p.
- TFWAF – *Leveson Gower I. The Face Without a Frown.* – London: Frederick Muller Ltd., 1947. – 239 p.

Литература

1. *Johnson S. On Biography // The Rambler.* – 1750. – 13 Oct. – No 60. – URL: <http://www.samueljohnson.com/ram60.html>, свободный.
2. *Holroyd M. What Justifies Biography? // The Threepenny Rev.* – 2002. – No 89. – P. 16–17.
3. *Hamilton N. Introduction // How to Do Biography: A Primer.* – Cambridge: Harvard Univ. Press, 2008. – P. 1–3.
4. *Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной.* – М.: Кругъ, 2005. – С. 37–54.
5. *Heilbrun C.G., Weimer J.M. Is Biography Fiction? // Soundings: An Interdiscip. J.* – 1993. – V. 76, No 2/3. – P. 295–314.
6. *Lee H. Body Parts: Essays on Life-Writing.* – N. Y: Random House, 2010. – 256 p.
7. *Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение.* – М.: Рус. словари, 1997. – 186 с.
8. *Edel L. Biography: A Manifesto // Biography.* – 1978. – V. 1, No 1. – P. 1–3.
9. *Schabert I. Fictional Biography, Factual Biography, and Their Contaminations // Biography.* – 1982. – V. 5, No 1. – P. 1–16.
10. *Лотман Ю. Биография – живое лицо.* – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/biogr.php, свободный.
11. *Freud S. Leonardo da Vinci: A Psychosexual Study of an Infantile Reminiscence / Trans. A.A. Brill.* – N. Y.: Moffat, Yard & Comp., 1916. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/34300/34300-h/34300-h.htm>, свободный.
12. *Woolf V. Orlando: A Biography.* – N. Y: Mariner Books, 1973. – 333 p.
13. *Kessler-Harris A. Why Biography? // Am. Hist. Rev.* – 2009. – V. 114, No 3. – P. 625–630.

14. *Devonshire, Duchess of G. The Sylph: A Novel.* – London: Henry Parker Publ., 2001. – 220 p.

Поступила в редакцию
30.11.16

Аюпова Камилля Фаритовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: lacroquant@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 231–241

**Novelization as a Literary Device in the Biographies of Georgiana,
Duchess of Devonshire**

K.F. Ayupova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: lacroquant@yandex.ru

Received November 30, 2016

Abstract

The paper deals with the current issues of biographical theory: the interaction of fiction and non-fiction, differentiation of biographical genres. Two contrasting novelized biographies of Georgiana, Duchess of Devonshire, have been juxtaposed. The first biography “The Face without a Frown” was written by the duchess’ descendant Iris Leveson-Gower in 1944 presenting a novelized and idealized version of her life. The “exposing” biography “The Two Duchesses” by Arthur Calder-Marshall came out in 1978 and offers a disparaging view on Georgiana’s life circumstances. The aim of this paper is to define the function of novelization in each of the biographies. Employing the method of comparative analysis, the degree of novelization in each biography has been analyzed, as well as the authors’ intents and methods and the resulting effect. Both works have been found to be containing novelistic elements, but neither of them can be described as a biographical novel. The aim of the first biography was to dispel the myths and rumors surrounding the Devonshires. I. Leveson-Gower novelizes her biography to ennoble Georgiana’s character and to make her world more vivid to the reader. However, this rather impairs her work, disrupting the structure. A. Calder-Marshall employs fictional elements to speculate on the events and characters and to present his own version of the truth. The results of this study help to define the boundaries between the genres of biographical novel and novelized biography.

Keywords: biography, novelization, Georgiana Cavendish, Duchess of Devonshire, Iris Leveson-Gower, Arthur Calder-Marshall

References

1. Johnson S. On biography. *The Rambler*, 1750, 13 Oct., no. 60. Available at: <http://www.samueljohnson.com/ram60.html>.
2. Holroyd M. What justifies biography? *The Threepenny Review*, 2002, no. 89, pp. 16–17.
3. Hamilton N. How to Do Biography: A Primer. *Introduction*. Cambridge, Harvard Univ. Press, 2008, pp. 1–3.

4. Belen'kii I.L. Biography through Personality: Historical Biography Today. *Biografiya i biografika v otechestvennoi kul'turno-istoricheskoi traditsii* [Biography and Biographics in Russian Cultural and Historical Tradition]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Krug", 2005, pp. 37–54. (In Russian)
5. Heilbrun C.G., Weimer J.M. Is biography fiction? *Soundings: An Interdisciplinary Journal*, 1993, vol. 76, no. 2/3, pp. 295–314.
6. Lee H. *Body Parts: Essays on Life-Writing*. New York, Random House, 2010. 256 p.
7. Vinokur G.O. *Biography and Culture. Russian Stage Pronunciation*. Moscow, Russ. Slovari, 1997. 186 p. (In Russian)
8. Edel L. *Biography: A manifesto*. *Biography*, 1978, vol. 1, no. 1, pp. 1–3.
9. Schabert I. Fictional biography, factual biography, and their contaminations. *Biography*, 1982, vol. 5, no. 1, pp. 1–16.
10. Lotman Yu. *Biography – Living Face*. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/biogr.php. (In Russian)
11. Freud S. *Leonardo da Vinci: A Psychosexual Study of an Infantile Reminiscence*. Brill. A.A. (Trans.). New York, Moffat, Yard&Comp., 1916. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/34300/34300-h/34300-h.htm>.
12. Woolf V. *Orlando: A Biography*. New York, Mariner Books, 1973. 333 p.
13. Kessler-Harris A. Why biography? *American Historical Review*, 2009, vol. 114, no. 3, pp. 625–630.
14. Devonshire, Duchess of G. *The Sylph: A Novel*. London: Henry Parker Publ., 2001. 220 p.

⟨ **Для цитирования:** Аюпова К.Ф. Беллетризация как приём в биографиях Джорджианы, герцогини Девонширской // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 231–241. ⟩

⟨ **For citation:** Ayupova K.F. Novelization as a literary device in the biographies of Georgiana, Duchess of Devonshire. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 231–241. (In Russian) ⟩